

ФИЛОСОФИЯ И НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

О.Е. Столярова

ИДЕИ Б.М. ГЕССЕНА И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ*

Столярова Ольга Евгеньевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии. Институт общественных наук РАНХиГС. Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82–84; e-mail: olgastoliarova@mail.ru

В статье рассматриваются идеи Б. Гессена, изложенные им в докладе 1931 г., в контексте отечественной философии и, в частности, философской истории науки. Обсуждается вопрос о том, почему идеи Гессена, несмотря на их марксистский характер, оказались не востребованы в стране победившего марксизма. Советские история и философская история науки в основном развивались в русле интернализма позитивистского или, позже, в 70–80-е гг. XX в., постпозитивистского толка. Ни в первую, ни во вторую объяснительные модели концепция Б. Гессена не вписывалась, так как ни технические, ни социоэкономические факторы не считались релевантными для объяснения генезиса науки. Начиная с 90-х гг. XX в., уже в постсоветскую эпоху создается интеллектуальный климат, который открывает возможность для новой рецепции идей Б. Гессена. В статье делается попытка наметить черты сложносоставного ответа на данный вопрос, основываясь, в частности, на холистической интерпретации доклада Гессена, предложенной Г. Фройденталем и П. Маклафлином.

Ключевые слова: история и философия науки, экстернализм, интернализм, марксизм, диалектика, онтология, эпистемология, русская философия

Доклад Бориса Гессена в российском историко-культурном контексте

Российский и советский физик и философ Борис Гессен – один из тех, к сожалению, не столь уж многих отечественных философов, чьи работы оказались востребованы за рубежом. Идеи Гессена получили признание и развитие в зарубежной философской и социологической литературе и вошли в качестве органической части в социогуманитарную повестку дня истории, философии и социологии науки Европы и Америки. Не секрет, что отечественная философия с большим трудом пробивает себе дорогу на Запад. Тому виной либо откровенно вторичный характер многих отечественных фило-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-03-00033 «Эмпирическая метафизика и условия ее возможности».

софских работ, представляющих собой пересказы идей западных философов, либо, напротив, характер слишком особенный и к тому же прочно огражденный языковым, культурным, а в некоторые периоды истории и политическим барьером от живой академической полемики зарубежной академии. Зачастую бедное финансирование академии не позволяет нашим ученым быть столь же мобильными, продуктивными, информированными¹ и открытыми для академических дискуссий, как их коллеги на Западе. Совокупностью этих причин и обстоятельств до сих пор определяется то, что отечественная философия представляет для западной мысли в основном этнографический интерес и остается мало востребованной². Бывают, однако, исключения. Борис Гессен из их числа.

В определенном смысле, если расценивать полноправное включение отечественной философской мысли в мировую философскую повестку дня как успех³, Гессену повезло. Во-первых, он принадлежал к дореволюционному поколению молодых ученых, получивших добротное гимназическое образование, изучавших в большом объеме иностранные языки, хорошо ими владевших и нередко продолжавших обучение в Европе (в случае Гессена это был физико-математический факультет Эдинбургского университета). Во-вторых, расцвет Гессена как ученого и философа пришелся на первые пятнадцать лет советской власти, когда академическая жизнь, пострадавшая от политического и экономического хаоса и террора, еще не попала под тотальный политический контроль, как это случилось десятилетием позже, и даже получила новые мощные импульсы развития, разделив с эпохой ее революционную энергию. Политика изоляции советских людей и, в частности, советской интеллектуальной элиты от «тлетворного влияния Запада» еще не вступила в полную силу, и мобильность советских ученых не была столь сильно ограничена, как впоследствии. К примеру, подающий надежды молодой биолог, ставший одним из корифеев популяционной генетики, Николай Тимофеев-Ресовский в 1925 г. был командирован Совнаркомом в Германию, где создал и возглавил отдел генетики и биофизики в Институте исследований мозга⁴. «...Русские обыкновенно ездили учиться чему-нибудь за границу, – вспоминал Тимофеев-Ресов-

¹ Комплектация Российских библиотек актуальной зарубежной научной литературой чрезвычайно скудна, а доступ к платным библиотечным онлайн-ресурсам существенно ограничен.

² Можно, конечно, согласиться с Н.В. Мотрошиловой и приписать малую востребованность отечественной философии на Западе поверхностному знакомству с ней западных мыслителей, определив причину этой поверхностности как «снобизм по отношению к русской мысли» (*Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада. М., 2006. С. 176*). Тем не менее этот снобизм также имеет свои корни, которые как минимум отчасти подпитываются нашей отечественной философией.

³ Можно прибегнуть к формулировке С.С. Хоружего, который обозначает успех русской философии за рубежом как вхождение в универсальный контекст с собственным вкладом (*Хоружий С.С. Шаг вперед, сделанный в рассеянии // Хоружий С.С. Опыты из русской духовной традиции. М., 2005. С. 432–435*). Подобная формулировка философской успешности применима не только к русской, но к любой национальной философии, а также к любому философу вне зависимости от его национальной или культурной принадлежности.

⁴ Вот как Д. Гранин в документальной повести «Зубр» о Тимофееве-Ресовском передает своеобразие той эпохи: «Тогда, в первой половине двадцатых годов, писчебумажная жизнь в науку еще не проникла. Человек расценивался по делам, ученый — по работам, студент — по тому, как он понимает и на что способен. Райское время, когда все ходили нагишом, не прикрываясь дипломами и званиями. Когда Колюша [Тимофеев-Ресовский] уезжал за границу работать, его учитель Н.К. Кольцов дал ему письмо, в котором удостоверял, кто он такой. Это заменяло все справки и мандаты. Главное, что он его ученик и обучен... Счастливая пора! Он вспоминал о ней с блаженной улыбкой: все враги, окружавшие Россию, разгромлены, и можно было заняться любимым делом» (*Гранин Д.А. Зубр: Документально-художественная повесть о Н.В. Тимофееве-Ресовском. Л., 1987. С. 64*).

ский, – а меня приглашают не учиться, а наоборот, учить немцев. Это случай такой выдающийся, и Кольцов и Семашко меня уговорили»⁵. «Когда я ехал на работу в Германию, – сказал Тимофеев-Ресовский в последнем слове на судебном процессе 1946 г. – я был горд этим, горд, что кончилось время, когда только немцы приезжали сюда [руководить и учить], а не мы к ним»⁶. Переломное время, уничтожая возможности, которые предоставлял привычный уклад жизни, вместе с тем создавало другие⁷. Таким образом, в эти годы возникали новые формы внешней и внутренней научной коммуникации, которые способствовали проникновению отечественной науки и, в частности, философии на Запад (в виде как эмиграции, так и санкционированных новым правительством командировок⁸) и даже в некоторой степени сделали более насыщенными взаимоотношения отечественных и зарубежных ученых⁹.

Знаменитый доклад Бориса Гессена «Социально-экономические корни механики Ньютона», который по сути и составил его вклад в западную социальную историю науки и философию науки, был написан в 1931 г., когда внутриполитическая и академическая атмосфера Советской России уже начала ощущать себя в направлении идеологического и политического единоначалия, но еще сохраняла черты творческой свободы, характерной для чрезвычайных условий смутного времени. Эти черты постепенно стирались, и философия приобретала все более казенный характер, а политика репрессий привела к физическому уничтожению многих недостаточно лояльных ученых. Личная судьба Гессена стала очередным подтверждением того, как «революция пожирает своих детей». В 1936 г. Гессен был репрессирован и расстрелян (реабилитирован в 1956 г.). Трудно все же полностью согласиться с Г.В. Флоровским, который, будучи в эмиграции, в 1930 г. почти одновременно с докладом Гессена пишет: «Философия стала ненужной и запретной в Советской России... Есть, правда, официальная, “советская”, “красная” философия. Но это – мнимая, подложная “философия”, – “философия” без проблематики, без искания, без творческого беспокойства»¹⁰. За этой негативной оценкой кроме психологически понятного пессимизма эмигранта-изгнанника прочитывается определенная философская

⁵ Цит. по: *Бабков В.В., Саканян Е.С.* Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900–1981). М., 2002. С. 40.

⁶ Там же. С. 40–41.

⁷ «При всем масштабе утрат [революционных лет], философская жизнь в России была лишь ослаблена, однако нисколько не парализована ими. В известной мере, можно даже говорить об обратном, об активизации... Важной чертой явилась активизация культурной и творческой жизни в провинции, как в старых центрах, так нередко и в новых, неожиданно возникавших по обстоятельствам бурного времени» (*Хоружий С.С.* Указ. соч. С. 340).

⁸ Борис Гессен не раз выезжал с научными целями за границу в конце 20-х гг., посетив, в частности, в 1930 г. в Кенигсберге Конгресс немецких физиков и математиков, в рамках которого состоялась II Конференция по эпистемологии точных наук, организованная Венским кружком.

⁹ «Первое реальное знакомство Запада с русской философией приходится на 20–40-е гг. XX в., и это связано с эксклюзивным событием в отечественной истории – высылкой цвета русской философии в эмиграцию... До того Запад был знаком более либо с аристократами и революционерами, либо с великой русской литературой. Немецкие профессора философии конца XIX в... знали восторженных русских юношей, изучавших их философию, однако справедливо считали их скорее учениками и проводниками собственных идей в далекой экзотической стране» (*Красиков В.И.* Русская философия today. М., 2008. С. 195–196). Именно с русской философской эмиграцией связывает С.С. Хоружий процесс размыкания культурных границ русской философии и включение ее в мировую философскую мысль. Это включение, впрочем, он пишет, ограничилось «простой суммой индивидуальных вкладов» (*Хоружий С.С.* Указ. соч. С. 435).

¹⁰ *Флоровский Г.В.* Русская философия в эмиграции // Историко-философский ежегодник. М., 2013. С. 314.

позиция, характерная для значительной части русской философии, позиция, которая прочно связывает религиозно-онтологическую проблематику с подлинным философствованием, отказывая в этом статусе иным философским течениям (позитивизму, марксизму). Эта позиция является зеркальным отражением другой крайности, объявляющей русскую религиозно-онтологическую философию ненаучной и вследствие этого находящейся на периферии мировой философской мысли¹¹. Мы вернемся к этой дихотомии далее, так как ее, а также определенную конфигурацию традиционных философских дихотомий следует, на наш взгляд, привлечь к анализу специфики восприятия идей Гессена в его отечестве, что и составляет тему данной статьи.

Рецепция доклада Бориса Гессена за рубежом и в России

В 1931 г. на II Международном конгрессе по истории науки в Лондоне Борис Гессен, директор Института физики Московского университета, приехавший на Конгресс в составе советской делегации из восьми человек во главе с Н.И. Бухариным, выступил с докладом. В докладе Гессен подверг критике распространенную точку зрения, связывающую прогресс науки с развитием внутренней логики познания, логики, которая открывается гениальным мыслителям и талантливым ученым. Этой точке зрения Гессен противопоставил марксистский диалектический материализм с его постоянно удерживаемым напряжением между социально оформленной материей и общественным сознанием. Используя марксистский диалектический и исторический подход, Гессен описал науку как вид общественной материальной практики. На примере Ньютона он показал, что становление классической механики отвечало логике развития общества, его базиса и надстройки, т. е. соответствовало его социально-экономическому укладу, материально-техническому оснащению, материальным потребностям и общественным отношениям. Доклад Гессена сразу же вызвал большой интерес и спровоцировал обсуждение¹², которое продолжается и поныне. Текст доклада, опубликованный вскоре после Конгресса в английском переводе, выдержал несколько переизданий за рубежом, последнее (2009) в новом переводе¹³. Лорен Грэхем, американский представитель социальной истории науки, отмечает, что доклад Гессена «является по масштабам своего влияния одним из наиболее важных сообщений, когда-либо звучавших в аудитории историков науки»¹⁴. Грэхем приводит внушительный список авторов, которые в разные годы участвовали в обсуждении доклада Гессена и признавали важность высказанных им идей для исторических и социальных исследований науки¹⁵. Критики Гессена «также подтвердили значительность

¹¹ О том, что это противопоставление по-прежнему актуально и вызывает оживленные споры, свидетельствует недавняя «Дискуссия о русской философии»: Бажанов В.А., Ермицев А.А., Козырев А.П., Корсаков С.Н., Маслин М.А., Филатов В.П., Хоружий С.С. Дискуссия о русской философии // *Вопр. философии*. 2015. № 5. С. 69–107.

¹² Подробно о Конгрессе, его социально-политическом контексте, выступлении Гессена и реакции на него см.: *Freudenthal G., McLaughlin P. Classical Marxist Historiography of Science: the Hessen-Grossmann-Thesis // The Social and Economic Roots of the Scientific Revolution: Texts by Boris Hessen and Henryk Grossmann. Dordrecht, 2009. P. 27–30.*

¹³ Доклад был представлен Гессеном на английском языке. Новая редакция английского перевода: *Hessen B. The Social and Economic Roots of Newton's Principia // The Social and Economic Roots of the Scientific Revolution: Texts by Boris Hessen and Henryk Grossmann. Dordrecht, 2009. P. 41–101.*

¹⁴ *Грэхем Л. Социально-политический контекст доклада Б.М. Гессена о Ньюtone // Вопр. истории естествознания и техники. 1993. № 2. С. 19–31.*

¹⁵ Среди них Дж. Бернал, Дж. Нидэм, Р. Мертон, С. Тулмин – см.: *Грэхем Л. Указ. соч.*

его позиции именно тем, что посчитали необходимым выступить с ее опровержением»¹⁶. Влияние текста Гессена не ограничивается только социальной историей науки. Идеи Гессена оказываются значимыми для философской истории науки, социальной эпистемологии и в конечном счете (на сегодняшний день) для философии науки в ее постпозитивистской междисциплинарной версии, получившей распространение во 2-й половине XX – начале XXI вв. Можно сказать, что идеи Гессена, высказанные в его докладе, наряду с работами Р. Мертона, Л. Флека, П. Фейерабенда, М. Полани, Т. Куна, Д. Блура и других критиков интернализма внесли вклад в формирование того облика философии науки, который известен нам сегодня. Отличительной чертой этого облика является ярко выраженная (быть может, даже доминирующая) историко-социологическая перспектива, в терминах которой формулируются ответы на традиционные вопросы философии науки: что обеспечивает выбор между научными теориями? каковы критерии научной объективности? как приобретается и чем подтверждается статус «факта»? какова роль метафизических положений в развитии научного знания? и т. п. Данная перспектива в противоположность интернализму получила название *экстернализм*. Влияние идей Гессена на формирование этого направления подтверждается, в частности, тем, что статья «Экстернализм» в «Словаре по истории науки» (1981) отсылает именно к докладу Гессена как первоисточнику¹⁷. В силу того, что экстернализм присваивает вопросы, относящиеся ранее к ведению философии науки, его значение, равно как и значение идей Гессена, выходят далеко за пределы истории науки и социологии науки в область собственно философии, если, конечно, не сводить последнюю к логическому анализу языка.

Философскую значимость поднятых Гессеном вопросов и предложенных им ответов можно полнее оценить, обратившись к относительно недавней работе западных представителей истории и философии науки Гидеона Фройденталья и Питера Маклафлина. Авторы предлагают новые реконструкцию и интерпретацию так называемого «тезиса Гессена», концептуально объединив его с идеями марксистского историка и социального теоретика Генрика Гроссмана¹⁸. «Тезис Гессена-Гроссмана», считают Фройденталь и Маклафлин, формулируется в терминах марксизма: он определяет науку как «один из видов работы в системе социального производства»¹⁹. Своеобразие предложенной трактовки заключается, конечно, не в этой общей фразе, а в ее философской экспликации. Фройденталь и Маклафлин выдвигают на первый план важнейший философский вопрос, который всегда в явной или неявной форме присутствует в дискуссиях о социально-экономическом детерминизме. Это вопрос о причинности, который в данном случае может быть поставлен следующим образом. Каковы причинно-следственные связи между материальными практиками и идеологией (и наукой) и как они эпистемологически удостоверяются?

¹⁶ Грэхем Л. Указ. соч. С. 19.

¹⁷ Эти сведения приводит Л. Грэхем. Авторы «Википедии» также связывают с именем Гессена рождение экстернализма: *Historiography of science* // WIKIPEDIA. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Historiography_of_science (дата обращения: 03.09.2016).

¹⁸ Фройденталь и Маклафлин опираются на работы Гроссмана «Социальные основания механистической философии и производства» (*Grossmann H. Die gesellschaftlichen Grundlagen der mechanistischen Philosophie und die Manufaktur* // *Zeitschrift für Sozialforschung*. 1935. No. 4. S. 161–231) и «Декарт и социальные источники механистического понимания мира» (*Grossmann H. Descartes and the Social Origins of the Mechanistic Concepts of the World* // *The Social and Economic Roots of the Scientific Revolution: Texts by Boris Hessen and Henryk Grossmann*. Dordrecht, 2009. P. 157–237).

¹⁹ *Freudenthal G., McLaughlin P.* Op. cit. P. 2.

Например, один из наиболее бескомпромиссных экстерналистов второй половины XX в. Д. Блур в программной работе «Знание и социальная образность» утверждает, что изменчивость знания (= развитие науки) имеет социальные причины, которые должны быть установлены посредством научной эмпирической методологии, т. е. посредством наблюдения и описания. Все данные, которые выходят за рамки эмпирически воспринимаемых, Блур объявляет телеологическими и мифологическими (метафизическими, априорными) и подчеркивает, что они не могут служить источником каузального объяснения развития знания²⁰. Так, если следовать «сильной программе» Блура, то задача социологической науки о науке состоит в установлении эмпирическим способом линейной каузальной зависимости между конкретными социальными отношениями (имеющими определенное время и место) и научными теориями. В упрощенной форме это может быть представлено как наблюдение и описание социального события А или социального события Б, которые предшествуют (в качестве причин) научной теории А или научной теории Б, выступающим, соответственно, наблюдаемыми (в смысле явлений псевдоидеальной природы) следствиями означенных причин. При этом личная мотивация ученого является необходимым следствием действующей (социальной) причины, открыть которую по силам социологу, чей чувственный взор направлен на ее эмпирическое обнаружение.

Такого рода эмпирическое обоснование эмпирических наук содержит в себе старый парадокс релятивизма, выраженный Э. Голдманом (в изложении М. Куша) применительно к сильной программе в социологии науки так: «... эмпирико-исторические исследования сильной программы направлены на то, чтобы предоставить эмпирические доказательства в поддержку того, что эмпирические доказательства всегда перегружены политическими интересами»²¹. Самопротиворечивость эмпирического обоснования эмпирической науки в свое время побудила Канта выделить в познавательной способности надэмпирический (априорный, трансцендентальный) уровень, не зависящий от опыта, но составляющий его необходимые условия. В критицизме Канта познавательный акцент смещен с поиска действующих причин (эмпирическое познание которых приводит к противоречиям) на поиск трансцендентального закона, который делает возможным наш опыт, предписывая разуму трактовать последовательность явлений как необходимую причинно-следственную связь. Приверженцы интернализма в истории и философии науки следуют в общем кантовской схеме. Они резервируют для науки внутреннюю логику развития, раскрываемую посредством рациональной реконструкции, а не посредством дескриптивных натуралистических дисциплин, которые «тащатся на поводку» у фактов чувственного опыта. Отсюда понятна критика интерналистами концепции Гессена. Они прочитали его идеи в духе непримиримого по отношению к интернализму экстернализма и обвинили Гессена в вульгарном редукционизме, который сводит науку к фактам социально-экономического порядка и тем самым элиминирует культурную ценность науки как чисто рационального предприятя, раскрывающего вечные законы мироздания²².

²⁰ Bloor D. Knowledge and Social Imagery. L., 1976. P. 3–30.

²¹ Цит. по: Kush M. Social Epistemology // The Routledge Companion to Epistemology. N. Y., 2010. P. 875.

²² Clark G.N. Science and Social Welfare in the Age of Newton. Oxf., 1937. О критике западными интерналистами идей Гессена см.: Shapin S. Discipline and Bounding: The History and Sociology of Science as Seen through Externalism-Internalism Debate // History of Science. 1992. No. 30. P. 338–342.

Реконструкция «тезиса Гессена» и аргументы, которые выдвигают Фрейденталь и Маклафлин, направлены на то, чтобы опровергнуть эту, с их точки зрения неправильную, интерпретацию. Авторы выделяют в докладе Гессена три ключевых положения. В первом утверждается, что наличествующая в эпоху Ньютона техника выступала для научных теорий (прежде всего для теоретической механики) объектом референции и в качестве «второй природы» предоставляла материальные и символические средства для построения новых научных теорий и в конечном счете для построения новой механистической картины мира. Второе положение – это утверждение, обратное первому. При отсутствии определенных видов техники (тепловой двигатель, электромотор) соответствующие области физики (термодинамика, электродинамика) также отсутствовали. Третье положение говорит об идеологических ограничениях эпохи, побудивших Ньютона прийти к компромиссному решению, допустив к управлению Вселенной Божественную силу в дополнение к механической причинности.

Ни в одном из этих ключевых положений, подчеркивают Фрейденталь и Маклафлин, не говорится о линейной каузальной зависимости между техническими (утилитарными) потребностями и мотивацией ученого. Техника выступает скорее горизонтом науки, формируя контекст подручных средств, предметную область и опытную основу физических теорий. Так понятая техника вполне в духе кантовского трансцендентализма может быть определена как *условие возможности* науки с тем, правда, существенным отличием, что ее априорность по отношению к науке относительна, поскольку носит исторический характер²³. Органической частью этого *исторического априори* является система идей, в терминах которой формулируются натурфилософские и теологические теории, составляющие метафизику эпохи, о чем говорит третье положение Гессена. Как видно, ни о каком примитивном редукционизме, чистом эмпиризме и натурализме речь в данной трактовке доклада Гессена не идет. Речь идет скорее об «историческом системном ансамбле» (если прибегнуть к термину Курта Хюбнера²⁴), в котором идеология, социальные отношения, экономические потребности, природа и «вторая природа» (техника) образуют единую среду.

Предложенная Фрейденталем и Маклафлином интерпретация показывает, что идеи Гессена включаются в современную повестку дня истории и философии науки, в которой появляется все больше синтетических концепций, старательно избегающих редукционизма в понимании развития научного знания и стремящихся учитывать разнородные, как природные, так и культурные, как практические, так и когнитивные, факторы, формирующие и направляющие научное познание. Дискуссии 30–40-х гг., а также второй половины XX в. по поводу доклада Гессена, в которых сталкивались аргументы интерналистов и экстерналистов, обнаруживают значимость его доклада для формирования целостного взгляда на науку в системе культуры.

Вышесказанное касается, однако, в основном зарубежной академии. На родине Гессена его идеи не получили ни признания, ни развития и почти не обсуждались²⁵. И это тем более удивительно, что Гессен выразил марксист-

²³ В таком же ключе рассуждает Г. Гроссман, связывая возникновение общей абстрактной и количественной концепции движения с появлением «машин», или автоматических инструментов, которые эмансипировали работу, отделив ее от рук ремесленника, и тем самым сделали движение и работу доступными для научной объективации и концептуализации. См. об этом: *Freudenthal G., McLaughlin P.* Op. cit. P. 1–40.

²⁴ *Хюбнер К.* Критика научного разума. М., 1994. С. 159–162.

²⁵ Доклад Гессена на русском языке был опубликован вскоре после Конгресса и с тех пор не переиздавался: *Гессен Б.М.* Социально-экономические корни механики Ньютона. М.; Л., 1933.

скую точку зрения на генезис экспериментально-математического естествознания, точку зрения, официально поддерживаемую в стране политически реализованного марксизма. Советские история и философская история науки развивались в русле интернализма позитивистского или, позже, в 70–80-е гг. XX в., постпозитивистского толка. Ни в первую, ни во вторую объяснительные модели концепция Гессена не вписывалась. Начиная с 90-х гг. XX в., уже в постсоветскую эпоху, создается интеллектуальный климат, который открывает возможность для новой рецепции идей Гессена²⁶.

Этот странный феномен невостребованности в советское время идей Гессена (при том, что на Западе экстернализм в общем и концепция Гессена в частности приобрели намного большее влияние) в последние годы привлек внимание отечественных исследователей. Остановимся на статье В.А. Бажанова, в которой автор предлагает объяснение²⁷. Автор признает: «...несмотря на то, что экстернализм соответствовал принципам официальной идеологии Советского Союза – марксизму, советские исторические исследования науки «проводились строго в интерналистском ключе»²⁸. Причиной этого автор считает «идеологизированную науку», которая стала частью государственного аппарата подавления, т. е. орудием политических репрессий, направленных против инакомыслия. Политическое и физическое уничтожение недостаточно идеологически выдержанных ученых привело к тому, что исследователи науки в своей реальной научной практике превратились в позитивистов. Они старались решать узко фактические, «технические» проблемы, избегая масштабных философских обобщений, которые могли спровоцировать полемику и дальнейшие интерпретации. Исключение делалось лишь для общепризнанных клише, ставших от частого казенного употребления бессодержательными. Теоретические принципы марксизма ритуально провозглашались (как правило, во «Введении» и «Заключении» исследовательских работ), но не служили стимулом творческого поиска, далеко не безопасного в условиях идеологизированной науки. Дополнительный запрет на работы Гессена проистекал из того факта, что Гессен был признан неблагонадежным и репрессирован, так что о его работах на долгие годы предпочли просто забыть.

На невостребованность идей Гессена в его отечестве обращает внимание также И.С. Кауфман в докладе «Формирование исторического подхода в философии науки в западном и советском научных сообществах»²⁹. В 60-е гг. на Западе начинают распространяться постпозитивистские программы истории и философии науки, вдохновленные Т. Куном, А. Койре и другими критиками позитивизма, и оживляются споры интерналистов и экстерналистов. В это время в Советском Союзе, несмотря на ослабление репрессивного аппарата и идеологизации науки, экстернализм в общем и концепция Б. Гессена в частности по-прежнему игнорируются. В докладе Кауфмана это объясняется изолированностью советских ученых от мирового научного сообщества и, соответственно, от актуальных «дисциплинарных конфликтов и ревизионистских дебатов», через которые прошла социогуманитарная наука в Европе и Северной Америке.

²⁶ О возрастании интереса российской академической науки к фигуре Гессена свидетельствует недавно опубликованная книга: Борис Михайлович Гессен. Материалы к биографии ученых. М., 2016.

²⁷ Бажанов В.А. Социальный климат и история науки. Парадоксы марксистской теории и практики // Эпистемология и философия науки. 2007. № 1 (XI). С. 146–156.

²⁸ Там же. С. 152.

²⁹ Излагается по: Труфанова Е.О. Обзор 26-й Балтийской конференции по истории науки (21–22 августа 2014 г., Хельсинки, Финляндия) // Философия науки. 2015. Т. 20. С. 249–250.

С объяснениями Бажанова и Кауфмана трудно не согласиться. Особенности социально-политического климата Советского Союза во многом определили тот факт, что идеи Гессена не нашли поддержки и развития на его родине как минимум до конца 80-х – начала 90-х гг., т. е. до конца Советского периода. Мы считаем, однако, что эти объяснения верны лишь отчасти.

Доклад Бориса Гессена и отечественная философия: приключения идей

Исследователь, выдвигающий экстерналистские объяснения какой-либо теории или ряда теорий, сталкивается с проблемой рефлексивности и вынужден, если он хочет быть максимально последовательным, делать выбор между экстернализмом и интернализмом в отношении собственной концепции. Этот известный еще грекам парадокс релятивизма (скептицизма) попытался учесть и элиминировать Д. Блур, постулировав четвертый принцип сильной программы в социологии научного знания – принцип рефлексивности: объясняющая модель, принятая социологией научного знания, должна быть применима к ней самой. Иначе она станет отрицанием собственных теорий³⁰. Подвергая свое собственное социологическое объяснение развития науки социологическому объяснению, Блур релятивизирует собственный релятивизм. Тем самым он, конечно, не разрешает парадокс скептика, но, как он считает, обезвреживает его, признавая, что можно *одновременно* придерживаться каких-либо убеждений и придерживаться убеждения в том, что эти убеждения порождены социальными причинами.

В случае с обсуждением доклада Гессена похожую тактику избирает Грэхем, который «попытался сделать по отношению к Гессену то же самое, что он [Гессен] старался предпринять в отношении Ньютона, т. е. показать, каким образом его [Гессена] важнейшая работа была укоренена в политике и экономике»³¹. Анализируя социально-политическую обстановку в Советском Союзе и непосредственном окружении Гессена, Грэхем приходит к выводу, что «взгляд на доклад Гессена как на результат специфических и угрожающих обстоятельств его жизни в Советском Союзе вернее взгляда на него как на образец марксистского анализа науки, будь то вульгарного или изошренного»³². По этому же пути следует Бажанов, который, указывая на репрессивный аппарат идеологизированной науки, заключает: «...имеются достаточно веские основания полагать, что свой лондонский доклад Гессен специально подготовил в духе крайне ортодоксального (можно сказать, вульгарного) марксизма, рассматривая его как ответ своим критикам и доказательство своей марксистской благонадежности»³³.

Экстерналистские объяснения позиции Гессена и ее дальнейшей судьбы были бы для нас исчерпывающими, если бы, следуя рекомендации Блура, мы одновременно придерживались убеждения А. «Концепция доклада Гессена раскрывает утилитарные мотивы натурфилософии Ньютона» и убеждения Б. «Концепция доклада Гессена порождена утилитарными мотивами». Сюда же следовало бы добавить и убеждение В. «Наша собственная концепция также порождена утилитарными мотивами». Но, соглашаясь с интерпрета-

³⁰ Bloor D. Op. cit. P. 5.

³¹ Грэхем Л. Указ. соч. С. 20.

³² Там же.

³³ Бажанов В.А. Указ. соч. С. 154.

цией доклада Гессена, предложенной Фройденталем и Маклафлиным, мы признаем, что концепция Гессена далека от упрощенного редукционизма и раскрывает сложные отношения между историческим априори социального, идеологического и технического, с одной стороны, и когнитивным содержанием научных теорий, с другой. Разделяя данную интерпретацию и признавая ее правомерность, мы избавляем себя от необходимости ограничиться экстерналистскими (редукционистскими) объяснениями позиции Гессена и его места в отечественной философии. Это открывает для нас существенно больше возможностей и позволяет сформулировать вопрос о докладе Гессена и его российской (советской) рецепции в интерналистском ключе, признавая при этом относительный и взаимозаменяемый характер интернализма и экстернализма³⁴.

Какое же место занимает доклад Гессена в системе идей отечественной философии и, в частности, философии науки? Действительно ли его идеи настолько чужды отечественной философской мысли, что, явившись вкладом в западную философскую традицию, они не могли встретить понимания в его отечестве? Можно ли говорить о том, что вклад Гессена в западную историю и философию науки³⁵ был все же вкладом российской мысли? Существуют ли и могут ли быть раскрыты смысловые связи концепции Гессена с русской (в частности, советской и постсоветской) традицией философствования?

Русский философ-эмигрант Флоровский, отказав советской философии в жизнеспособности (видно в приведенной выше цитате), счел возможным добавить: «И только изредка доносятся оттуда [из России] неожиданные, заглушенные, но живые голоса»³⁶. Вспомним о «живых голосах» отечественной философии, которые никогда, даже в самые суровые времена засилья «идеологизированной науки», не исчезали, обеспечив связь философской традиции вплоть до наших дней.

Прежде всего необходимо сказать, что русский марксизм отнюдь не стал калькой с зарубежных марксистских теорий. Он прижился на хорошо удобренной почве русского «онтологизма», восходящего к восточно-христианской традиции переосмысления греческой, в частности, неоплатонической философии. Русская религиозно-онтологическая философия («метафизика всеединства», «христианский неоплатонизм»), сложившаяся в конце XIX – начале XX вв., унаследовала от христианской догматики и мистических практик восточного христианства «интуицию бытия» (Бога, Божественных энергий, одухотворенного космоса), определившую для нее место «антитезиса»³⁷ по отношению к магистральным направлениям западноевропейской мысли с их абстрактностью, схоластикой, рассудочным субъективизмом и позитивизмом. Ретроспективно можно увидеть, что русская религиозно-онтологическая философия выступила своего рода критикой той онтологической позиции, которую несколькими десятилетиями позже Альфред Норт Уайтхед назовет «ошибкой подмены конкретного», обвинив в ней основополагающие течения западной мысли.

³⁴ Так, интернализм Койре можно квалифицировать как экстернализм, поскольку Койре привлекает ненаучные (религиозные, метафизические идеи и системы идей) в качестве источников объяснения научных революций и смены картин мира, а экстернализм Блуря – как интернализм, поскольку эмпирическое (натуралистическое) объяснение развития науки, предложенное Блуrom, предполагает, что чистые чувственные данные «на входе» (= наблюдаемые социальные причины) порождают необходимое когнитивное содержание «на выходе» (= теории, объясняющие развитие науки).

³⁵ Имеется в виду синтетическая дисциплина “history and philosophy of science”, HPS.

³⁶ Флоровский Г.В. Указ. соч. С. 314.

³⁷ Как минимум с точки зрения самой русской философии.

Эта ошибка, по мнению Уайтхеда, заключалась в постулировании пространственной изоляции частиц материи, которые занимают места, равные себе, и связаны внешними отношениями. Онтология материальных частиц, характеризующихся «простым местоположением», и «доктрина внешних отношений» легли в основу ньютоновской механики и, как в явной, так и в неявной форме, в основу ее философских обоснований³⁸. Уайтхед противопоставляет этой онтологии диалектическую онтологию («философию процесса»). Она позволяет спекулятивно учесть внутренние отношения между сущностями (в терминологии Уайтхеда «актуальными событиями»), отношения, которые образуют историческую конкретность фактов. И не только о философских спекуляциях идет речь. По мнению Уайтхеда, философия процесса резонирует с тем, что происходит в естественных науках: теория относительности и квантовая механика оставили позади статичную онтологию инертных частиц материи, помещенных в евклидово пространство и описываемых в терминах аристотелевской логики.

Русская религиозно-онтологическая философия всегда была очень восприимчива к диалектике как в ее античных, переосмысленных христианской теологией образцах, так и в версии немецкой классической философии. В диалектике она нашла учение и метод для «преодоления» отвлеченного субъективизма, натурализма и позитивизма западной мысли (как естественнонаучной, так и философской), а также для построения собственных «конкретно-опытных» доктрин, в которых историзм, натурфилософия и символизм выступали точками притяжения³⁹. Можно ли говорить о том, что русская традиция философствования была ненаучной? На наш взгляд, нет. Она выступила критикой западноевропейской науки и интеллектуальной культуры модерна, присоединив свой голос к набирающему силу движению западноевропейской философии, развенчивающему претензии естественнонаучного способа познания мира на абсолютность и объективность. Она, однако, как и изрядная часть западноевропейской критики науки (в лице, например, Кассирера, Башляра, Уайтхеда), не осталась в стороне от науки. Она разглядела в новых научных открытиях научное отрицание предшествующей догматической метафизики, равно как и элементы новой метафизики, в которой диалектическая философия и научное познание оказывались сопряженными. Одна из попыток образовать альянс между религиозно-онтологической философией и теорией относительности принадлежит П.А. Флоренскому. В работе «Мнимости в геометрии» Флоренский связывает ноуменальный и феноменальный миры, истолковывая мнимые числа как платоновские вечные идеи и показывая с помощью принципов СТО, что при достижении телом скорости, большей скорости света, происходит переход материи в свою противоположность (масса становится бесконечной, пространство, время и материя приобретают мнимые параметры)⁴⁰. Флоренского поддерживает А.Ф. Лосев: «...сейчас, по категориям величины, времени и пространства, диалектика требует теории относительности... как только вместо Эйнштейн-

³⁸ *Whitehead A.N. Process and Reality. An Essay in Cosmology. N. Y., 1978; Idem. Adventures of Ideas. N. Y., 1967.*

³⁹ Философия «конкретного», преодолевающая «отвлеченные начала» западной мысли, – это излюбленный концепт русской религиозно-онтологической философии конца XIX – начала XX в. Творцами «конкретно-опытных» учений были А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, С.Н. Трубецкой, Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, А.Ф. Лосев.

⁴⁰ *Флоренский П.А. Мнимости в геометрии: расширение области двухмерных образов геометрии (опыт нового истолкования мнимостей). М., 1922.*

на согласимся с Ньютоном, т. е. абсолютизируем пространство, убивши тем самым и живой смысл, и живую фактичность пространства, – так наступает конец диалектике»⁴¹.

Не только философы-идеалисты стремились привлечь релятивистскую физику на свою сторону. В 20-е гг. в Советской России развернулась философская битва за новую физику (теорию относительности и квантовую теорию). «Всемирно известно, что теорией относительности весьма охотно пользуются для борьбы с материализмом»⁴², – писал в 1926 г. физик и философ А.К. Тимирязев, сторонник классической физики, настаивающий на несовместимости релятивистской физики с материалистической философией марксизма. Но дело обстояло сложнее. Теория относительности была поднята на щит также и теми философами, которые защищали принципы диалектического материализма⁴³. Показательна в этом смысле статья, написанная Борисом Гессеном и Василием Егоршиным как возражение Тимирязеву⁴⁴. Гессен и Егоршин полагают, что диалектическое понимание науки и ее истории позволяет учесть конкретно-исторические формы материализма, не догматизируя ни одну из них. «Если материализм связывать с механикой Ньютона, это значило бы чересчур низко оценивать материализм... Мы, в отличие от этого [взглядов Тимирязева] думаем вслед за Лениным и Энгельсом, что «с каждым, составляющим эпоху, открытием даже в естественно-исторической области» («не говоря уже об истории человечества») «материализм должен изменять свою форму»⁴⁵.

Гессен развивает ту же идею в докладе 1931 г. С его точки зрения развитие современной физики выявляет значимость диалектической онтологии. Новая (релятивистская) физика, объединившая пространство, время, материю и движение, разрушает пустое пространство физики Ньютона и логически связанное с ним статичное понимание материи, понимание, которое выражалось в философских абстракциях, формальной математизации и в конечном счете догматизации материи. И хотя Гессен не устает подчеркивать, что теория относительности свидетельствует в пользу именно диалектического материализма, мы полагаем, что термин «материализм» имеет здесь весьма трудноуловимое значение. И если материализм с каждым эпохальным открытием «меняет свою форму», то не так ли обстоит дело с его философским антиподом, без соотнесения с которым он не может быть вообще никак охарактеризован, – идеализмом? Поэтому то философское движение, которое мы выше обозначили как «битву за теорию относительности», можно рассмотреть из иной перспективы, где важны не столько термины «материализм» и «идеализм», разводящие философов по разные стороны баррикад, сколько понятие «диалектическая онтология», которое их объединяет.

Это замечательно уловил «идеалист» А.Ф. Лосев, назвавший диалектических материалистов за их приверженность диалектике «православными материалистами»⁴⁶. Они, считает Лосев, в противоположность «католиче-

⁴¹ Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993. С. 227.

⁴² Тимирязев А.К. Новые опыты Дейтон-Миллера, опровергающие теорию относительности Эйнштейна // Известия. 1926. 30 июля. URL: <http://bourabai.ru/timiryazev/miller.htm> (дата обращения: 05.10.2016).

⁴³ См.: Сонин А.С. Восприятие теории относительности в советской философской литературе в 20–30-е гг. // Семь искусств. 2015. № 9. URL: <http://litbook.ru/article/8447/> (дата обращения: 10.10.2016).

⁴⁴ Гессен Б.М., Егоршин В.П. Об отношении тов. Тимирязева к современной науке // Под знаменем марксизма. 1927. № 2/3. С. 188–199.

⁴⁵ Там же. С. 194.

⁴⁶ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 118.

ским материалистам», догматизирующим материю⁴⁷, способны увидеть, что «материи, в смысле категории, принадлежит роль совершенно *такая же*, как и идеи»⁴⁸. Действительно, если материя есть не «комплекс ощущений», но реальность (на чем настаивают диалектические материалисты), то теория относительности материалистична, так как она говорит о *реальном* пространстве-времени (аргумент Гессена⁴⁹). «Если материя есть реальность вещи... то материалисты – Платон, Аристотель и Плотин, ибо они признавали реальность космоса...»⁵⁰ (аргумент Лосева). Для иллюстрации положения о взаимозависимости «материального» и «идеального» обратимся к докладу Гессена. В масштабной панораме развития науки, нарисованной Гессеном, смена картин мира обусловлена расширяющимся опытом коллективного субъекта, в процессе практической деятельности преобразующего реальность. В случае Ньютона, говорит Гессен, «...было бы неправильно ограничивать анализ содержания “Начал” только установлением их внутренней связи с экономикой и техникой эпохи... Само название их указывает, что они являются системой, мировоззрением»⁵¹. В этой системе идей идеализм Ньютона (признание Божественного начала, оживляющего инертную материю) проистекает из особенностей его материализма, является «необходимым следствием его концепции основ механики»⁵², концепции, в которой все виды движения сводятся к механическому перемещению частиц материи (материальных точек, характеризующихся «простым местоположением»). Таким образом, метафизика эпохи представляет собой сложное единство, в котором «материализм» и «идеализм» определяются через соотнесение друг с другом, а историческая специфика их оппозиции – через соотнесение с процессом производства культуры, вещей, социально оформленной материи.

О том, что диалектическая онтология позволяет преодолеть ограниченность «материализма» и «идеализма», а также ограниченность редукционистского экстернализма, свидетельствует, в частности, творчество позднего Лосева, применившего в «Истории античной эстетики» принципы марксизма к анализу античного мировоззрения⁵³. «Античная эстетика» создавалась и публиковалась в 60–80-е гг. прошлого века, когда «идеологизированная наука», соединенная с репрессивным аппаратом власти, осталась в прошлом. Конечно, официальная идеология Советского государства, хотя и в смягченной форме, сохранялась и определяла требования цензуры, но объяснять теоретическую конструкцию Лосева только требованиями цензуры, на наш взгляд, неверно. Рассуждения Лосева о вещественности, телесности как принципах построения античного мировоззрения (философии, искусства, науки, политики) представляют собой очевидно нечто иное, чем ритуальные заклинания казенного марксизма⁵⁴. Проанализированная Лосевым связь античной картины мира с типологией «физических вещей и тел в их производственно-технической обработке»⁵⁵, прежде всего с вещественным отношением раба и рабовладельца, выглядит убедительно в контексте

⁴⁷ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. С. 118.

⁴⁸ Там же. С. 174.

⁴⁹ Гессен Б.М. Основные идеи теории относительности. М.; Л., 1928.

⁵⁰ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. С. 111.

⁵¹ Гессен Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона. С. 39.

⁵² Там же. С. 42.

⁵³ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. I. М., 1963. С. 33–50.

⁵⁴ См.: Вахитов Р.Р. Лосев и марксизм. URL: <http://nevmenandr.net/vaxitov/losevmarx.php> (дата обращения: 11.10.2016).

⁵⁵ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. I. С. 33–50.

его философской истории культуры, которая может быть охарактеризована как *конкретно-исторический объективизм*. *Объективизм*, потому что Лосев убежден в реальности Космоса, в реальности и его телесного, и его логико-математического аспектов, которые получают выражение в искусстве и науке. *Конкретно-исторический* – потому что социально оформленная материя («социально-историческое», «социально-экономическое») выступает в конструкции Лосева в качестве универсального исторического априори – горизонта не только искусства и натурфилософии, но и точных наук: «самый характер математического знания зависит от порождающей его социально-исторической основы»⁵⁶.

Если идеалист и христианский неоплатоник Лосев оказывается близок материалистам (при условии, что мы понимаем под материализмом признание реальности телесного, социально оформленного Космоса), то материалист и марксист Эвальд Ильенков, чьи главные труды пришлись на те же 60–70-е гг., когда создавалась «Античная эстетика» Лосева, совершает встречное движение, полагая «идеальное» в качестве относительно автономного начала культуры и истории. Историческая энергия идеального, согласно Ильенкову, это не что иное, как человеческая деятельность по «распредмечиванию» и «опредмечиванию» окружающего мира, который в ходе этой деятельности приобретает форму, *телос*. Мир в целом и вещи мира, рассмотренные как идеи, «существующие вне головы и вне сознания людей, – совершенно объективная, от их сознания и воли никак не зависящая действительность особого рода, невидимая, неосязаемая, чувственно не воспринимаемая»⁵⁷. Постулирование относительной автономности и объективности «идеального» позволяют Ильенкову так же, как Гессену или Лосеву, построить концепцию *исторического априори*, в которой роль трансцендентальных структур принадлежит овеществленному сознанию коллективного исторического субъекта:

...с природой как таковой люди имеют дело лишь в той мере, в какой она так или иначе вовлечена в процесс общественного труда... Даже звездное небо, в котором человеческий труд реально пока ничего не меняет, становится предметом внимания и созерцания человека лишь там, где оно превращено обществом в средство ориентации во времени и пространстве, в «орудие» жизнедеятельности общественно-человеческого организма, в «орган» его тела, в его естественные часы, компас и календарь. Всеобщие формы, закономерности природного материала действительно проступают, а потому и осознаются именно в той мере, в какой этот материал уже реально превращен в строительный материал «неорганического тела человека», «предметного тела» цивилизации, и потому всеобщие формы «вещей в себе» выступают для человека непосредственно как активные формы функционирования его «неорганического тела»⁵⁸.

Итак, трудно согласиться с тем, что идеи, высказанные Гессеном в его докладе, представляют собой явление, совершенно чуждое отечественной философии и вызванное к жизни привходящими обстоятельствами (утилитарными мотивами). Смысл концепции Гессена, как и смысл концепций тех философов, которые продолжают и развивают традицию диалектической онтологии, состоит, в частности, в том, что посредством введения исторического априори социальных вещей контекст открытия приводится в «динамическое равновесие» с контекстом обоснования. Поэтому если, как призывал

⁵⁶ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. I. С. 33–50.

⁵⁷ Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопр. философии. 1979. № 6. С. 128–140.

⁵⁸ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984. С. 167–168.

Грэхем, мы попытаемся «сделать по отношению к Гессену то же самое, что он [Гессен] старался предпринять в отношении Ньютона», то мы никоим образом не сможем игнорировать связь концепции Гессена с глубинными смыслами и мировоззренческими установками отечественной философии.

Последняя, конечно, вполне заслуживает того, чтобы быть включенной в «Большой контекст» со «своим собственным вкладом» (по выражению Хоружего). Но, быть может, специфику ее вклада стоит искать не в религиозной (идеалистической) или марксистской (материалистической) философии, а в их парадоксальном совмещении⁵⁹? Что же касается ее «ненаучности», то обвинения такого рода обычно звучат со стороны тех, кто отождествляет «научную философию» с логическим позитивизмом. Однако если мы возьмем в качестве горизонта нашего рассмотрения «Большой контекст», то мы увидим, что критика позитивизма и позитивистских идеалов научности составляет едва ли не основное содержание западных дискуссий в истории и философии науки второй половины XX в., и возрастающий интерес зарубежных авторов к докладу Гессена – часть этого процесса. Но антипозитивизм отнюдь не тождествен «идеализму», что мы попытались показать на примере доклада Гессена и той традиции, которую мы обозначили в качестве «диалектической онтологии». Теперь мы нащупали одну из недостающих деталей сложносоставного ответа на вопрос о том, почему идеи Гессена, несмотря на их созвучие некоторым глубинным смыслам отечественной традиции, оказались столь мало востребованными в его отечестве, причем не только в период «идеологизированной науки», но и в 70–80-е гг., когда в советской истории и философии науки началось развитие постпозитивизма и усвоение его западных течений. Обновление отечественной философии, ставшее возможным благодаря падению «железного занавеса» и ослаблению идеологического прессинга, часто переживалось как возвращение к истокам русской дореволюционной, религиозной философии, которая, соответственно, понималась как альтернатива позитивизму, марксизму и материализму. В этом контексте реакции на многолетний идеологический диктат постпозитивистская история и философия науки ориентировалась на интернализм Томаса Куна и Александра Койре, предпочитая «историю идей» набившей оскомину казенной истории общественно-экономических формаций и производственных отношений. Но даже через самую рафинированную *историю идей* примечательным образом проступает *история вещей*, возвращая нас в смысловое пространство конкретно-исторической онтологии, произрастающей на русской философской почве в горизонте «Большого контекста». Для примера обратимся к работе историка и философа науки П.П. Гайденко, в которой исследуются историко-культурные типы научной рациональности и ее ценностно-смысловой фундамент⁶⁰. Согласно Гайденко, одним из истоков научной революции XVII в. была связь метафизики и теологии с механикой. Развитие механики позволяло создавать и усовершенствовать «инструменты для осуществление таких действий, которые не могут быть произведены самой природой»⁶¹. Метафизика и теология переводили эти новые реалии на язык мировоззрения, целей и ценностей. Переоценка техники позволила рассматривать «изобретенные человеком инструменты... не как нечто иное... а как однородное с природой... открывая возможность видеть в экс-

⁵⁹ Русский космизм, объединяющий работы Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского и др., – один из примеров такого совмещения.

⁶⁰ Гайденко П.П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. М., 1980.

⁶¹ Там же. С. 488.

перименте средство познания природы»⁶². В более поздней работе Гайденко пишет: «Связь между экспериментально-математическим естествознанием и техникой – глубинная, органическая... в виде эксперимента техника входит в само тело новой науки, а потому реальность, изучаемая новым естествознанием, – это не просто природная, но конструируемая реальность»⁶³. Другой пример – работа А.В. Ахутина «История принципов физического эксперимента» (1976), представляющая собой исследование теоретических и культурных оснований экспериментального метода, выполненное в духе постпозитивистского интернализма. Ахутин задает справедливый вопрос: «...пусть новое научное сознание формирует для себя предмет; в таком случае, каким чудесным образом оно само зародилось в голове Коперника или Галилея? Пусть оно может “пробуждать умы”... но каким образом пробудилось и сформировалось оно само?.. Нас интересует здесь та предметная область, которая послужила опытной основой для возникновения самого теоретического мышления новой физики... Где оно нашло свой предмет еще до того, как научилось целенаправленно формировать его? в какой деятельности была уже готова почва и строительный материал для физического эксперимента в новом смысле слова?»⁶⁴. Далее следует ответ, сопровождаемый, в частности, ссылкой на работу Гроссмана 1935 г. (мы упоминали ее выше в связи с «тезисом Гессена-Гроссмана»). Ахутин говорит о разрушении и преобразовании «естественных форм» вещей в процессе развития «человеческих искусств» и прежде всего механики и экспериментальной механики. Он отмечает «взаимокатализирующее влияние новой техники и мануфактурного способа производства в целом, с одной стороны, и возникающей быстрыми темпами новой теоретической механики, с другой». И приходит к следующим заключениям: «...новая физика родилась из экспериментальной ветви прикладной механики... с равным правом можно сказать, что новая теоретическая механика первоначально развивалась, внедряя математические методы Архимеда в решение реальных механических задач», а механические искусства определяли физическую интуицию теоретиков... «Опыт человека-мастера непосредственно становится опытом человека-теоретика»⁶⁵.

Итак, в интерналистски-трансценденталистских версиях истории и философии науки мы находим идеи, созвучные соображениям Гессена, высказанным в его докладе, а именно взгляд на технику и инструментальные практики как условия возможности науки. Но общая интеллектуальная атмосфера российской гуманитарной академии на исходе советского времени в начале 90-х гг. не способствовала интеллектуальной реабилитации Гессена, равно как и реабилитации диалектической онтологии марксизма. Новые философские моды создавали своих героев, а марксизм, напротив, маргинализировался, влача за собой шлейф «идеологизированной науки». Тем не менее постепенно приходит время более взвешенной оценки марксизма и, в частности, русского марксизма не только как идеологии, но и оценки его эпистемологических и онтологических концепций⁶⁶. Отметим в связи с этим такие отечественные эпистемологические школы, в которых в последние

⁶² Гайденко П.П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. С. 491.

⁶³ Гайденко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М., 2000. С. 9.

⁶⁴ Ахутин А.В. История принципов физического эксперимента от античности до XVII в. М., 1976. С. 214.

⁶⁵ Там же. С. 214–215.

⁶⁶ См., например: Рокмор Т., Бэжхерст Д., Мареев С.Н., Бузгалин А.В. Дискуссия о понятии идеального у Э.В. Ильенкова // *Вопр. философии*. 2015. № 5. С. 108–130.

десятилетия развиваются концепции, позволяющие синтезировать экстернализм и интернализм в понимании развития научного знания. Это неклассическая эпистемология (В.А. Лекторский), культурно-историческая эпистемология (Б.И. Пружинин), социальная эпистемология (И.Т. Касавин). Например, концепция социальной эпистемологии, которую развивает Касавин, характеризуется своеобразным соединением трансцендентализма и прагматизма, символизма и деятельностного подхода. Это дает возможность вписать культурно-исторические типы и системы знания в контекст онтологических стратегий социального субъекта – человека-мастера, конструирующего в практической деятельности «объективные идеальные формы» (термин, отсылающий к концепции Ильенкова, который Касавин также использует). Таким образом, *историческое априори* в интерпретации Касавина приобретает вещественное, практическое измерение⁶⁷.

Подведем итог. Интерпретация доклада Гессена в терминах экстернализма не позволяет увидеть сущностную связь его идей со смысловым контекстом отечественной философской традиции. Если следовать Фрейденталю и Маклафлину, то чисто экстерналистская интерпретация доклада Гессена и его рецепции не соответствует самому содержанию доклада Гессена, которое далеко выходит за рамки экстерналистского утилитаризма. Для адекватного понимания доклада Гессена, на наш взгляд, лучше привлечь диалектическую традицию, в которой экстернализм и интернализм оказываются сопряженными, а социально-экономические условия научных теорий выступают в качестве исторического априори онтологических и эпистемологических идей. Отечественная философская традиция, в которой диалектическая онтология играет важную роль, является наиболее близким контекстом доклада Гессена и высказанных в нем идей. Эта традиция дает возможность связать экстернализм и интернализм посредством онтологии вещей и практик, в которой вещи и практики интерпретируются как априорные условия формирования идей и концепций. И сегодня именно те отечественные эпистемологические школы, в которых подчеркивается взаимозависимость экстернализма и интернализма, создают интеллектуальное пространство, наиболее подходящее для того, чтобы идеи Гессена обрели вторую жизнь на своей родине.

Список литературы

Ахутин А.В. История принципов физического эксперимента от античности до XVII в. М.: Наука, 1976. 292 с.

Бабков В.В., Саканян Е.С. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900–1981). М.: Памятники исторической мысли, 2002. 672 с.

Бажанов В.А. Социальный климат и история науки. Парадоксы марксистской теории и практики // Эпистемология и философия науки. 2007. № 1 (XI). С. 146–156.

Бажанов В.А., Ермичев А.А., Козырев А.П., Корсаков С.Н., Маслин М.А., Филатов В.П., Хоружий С.С. Дискуссия о русской философии // Вopr. философии. 2015. № 5. С. 69–107.

Вахитов Р.Р. Лосев и марксизм // NEVMENANDR.NET. URL: <http://nevmenandr.net/vaxitov/losevmarx.php> (дата обращения: 11.10.2016).

Гайденко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: Университетская книга; Per Se, 2000. 456 с.

⁶⁷ См., например, главу «Techné как traditio. Бочки, колокола, пушки», в которой автор исследует, как донаучное, практическое (техническое) знание переводится на язык научной теории: Касавин И.Т. Традиции и интерпретации. Фрагменты исторической эпистемологии. СПб., 2000. С. 236–272.

- Гайденко П.П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. М.: Наука, 1980. 567 с.
- Гессен Б.М. Основные идеи теории относительности. М.; Л.: Моск. рабочий, 1928. 176 с.
- Гессен Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона. М.; Л.: Гос. теорет.-техн. изд-во, 1933. 78 с.
- Гессен Б.М., Егоришин В.П. Об отношении тов. Тимирязева к современной науке // Под знаменем марксизма. 1927. № 2/3. С. 188–199.
- Гранин Д.А. Зубр: Документально-художественная повесть о Н.В. Тимофеев-Ресовском. Л.: Советский писатель, 1987. 288 с.
- Грэхем Л. Социально-политический контекст доклада Б.М. Гессена о Ньюtone / Пер. с англ. А.Ю. Стручкова // Вопр. истории естествознания и техники. 1993. № 2. С. 19–31.
- Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
- Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопр. философии. 1979. № 6. С. 128–140.
- Касавин И.Т. Традиции и интерпретации. Фрагменты исторической эпистемологии. СПб.: РХГИ, 2000. 320 с.
- Борис Михайлович Гессен / Сост. С.Н. Корсаков, А.В. Козенко, Г.Г. Грачева. М.: Наука, 2016. 221 с. (Российская Академия Наук. Материалы к библиографии ученых. Серия «Философия». Вып. 15).
- Красиков В.И. Русская философия today. М.: Водолей Publishers, 2008. 312 с.
- Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 61–612.
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 21–186.
- Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. I. М.: Высшая школа, 1963. 443 с.
- Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 477 с.
- Рокмор Т., Бэкхерст Д., Мареев С.Н., Бузгалин А.В. Дискуссия о понятии идеального у Э.В. Ильенкова // Вопр. философии. 2015. № 5. С. 108–130.
- Сонин А.С. Восприятие теории относительности в советской философской литературе в 20–30-е гг. // Семь искусств. 2015. № 9. URL: <http://litbook.ru/article/8447/> (дата обращения: 10.10.2016).
- Тимирязев А.К. Новые опыты Дейтон-Миллера, опровергающие теорию относительности Эйнштейна // Известия. 1926. 30 июля. URL: <http://bourabai.ru/timiryazev/miller.htm> (дата обращения: 05.10.2016).
- Труфанова Е.О. Обзор 26-й Балтийской конференции по истории науки (21–22 августа 2014 г., Хельсинки, Финляндия) // Философия науки. 2015. Т. 20. С. 249–250.
- Флоренский П.А. Мнимости в геометрии: расширение области двумерных образов геометрии (опыт нового истолкования мнимостей). М.: Громады, 1922. 71 с.
- Флоровский Г.В. Русская философия в эмиграции // Историко-философский ежегодник. М.: ИФ РАН, 2013. С. 314–337.
- Хоружий С.С. Шаг вперед, сделанный в рассеянии // Хоружий С.С. Опыты из русской духовной традиции. М.: Парад, 2005. С. 329–446.
- Хюбнер К. Критика научного разума / Пер. с нем. И.Т. Касавин. М.: ИФ РАН, 1994. 326 с.
- Bloor D. Knowledge and Social Imagery. L.: Routledge, 1976. 211 p.
- Clark G.N. Science and Social Welfare in the Age of Newton. Oxf.: Clarendon Press, 1937. 159 p.
- Grossmann H. Die gesellschaftlichen Grundlagen der mechanistischen Philosophie und die Manufaktur // Zeitschrift für Sozialforschung. 1935. No. 4. S. 161–231.
- Historiography of science // WIKIPEDIA. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Historiography_of_science (дата обращения: 03.09.2016).
- Kush M. Social Epistemology // The Routledge Companion to Epistemology / Ed. by S. Bernecker, D. Pritchard. N. Y.: Routledge, 2010. P. 873–884.
- Shapin S. Discipline and Bounding: The History and Sociology of Science as Seen through Externalism-Internalism Debate // History of Science. 1992. No. 30. P. 333–369.

The Social and Economic Roots of the Scientific Revolution: Texts by Boris Hessen and Henryk Grossmann / Ed. by G. Freudenthal, P. McLaughlin. Dordrecht: Springer, 2009. 273 p.

Whitehead A.N. Adventures of Ideas. N. Y.: The Free Press, 1967. 307 p.

Whitehead A.N. Process and Reality. An Essay in Cosmology. N. Y.: The Free Press, 1978. 413 p.

Boris Hessen's ideas and Russian philosophy

Olga Stoliarova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 82–84 Vernadskogo Prospekt, Moscow 119571, Russian Federation; e-mail: olgastoliarova@mail.ru

In the present article, the main theses of Boris Hessen's 1931 paper are brought under examination against the broader background of Russian philosophy in general and the philosophy and history of science in particular. Among other things, the author attempts to explain why Hessen's Marxist thinking met with little or no acceptance in the country of triumphant Marxism. In the Soviet Union, history and philosophy of science developed mainly within an internalist framework, first following mainly the positivist paradigm and later, from 1970s and 1980s, gravitating toward the post-positivist approaches of Thomas Kuhn and Alexandre Koyré. Most of these studies, however, considered technological and socioeconomic factors to be of little relevance to the genesis of science. As a result, Hessen's ideas could find their place neither within the positivist nor within the post-positivist explanatory models used in Russian historical and philosophical studies of science. This only started to change at the beginning of the 1990s, in the post-Soviet era. Gradually, in a new intellectual climate, interest in Hessen's ideas began to grow. A compound answer to the problem posed at the beginning of the article is then outlined, taking as the starting point the holistic interpretation of Hessen's paper offered by Gideon Freudenthal and Peter McLaughlin.

Keywords: history and philosophy of science, externalism, internalism, Marxism, dialectics, ontology, epistemology, Russian philosophy

References

Akhutin, A. *Istoriya printsipov fizicheskogo eksperimenta ot antichnosti do XVII v.* [History of the Principles of Experimentation in Physics: from Antiquity to 17th Century]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 292 pp. (In Russian)

Babkov, V. & Sakanyan, E. *Nikolai Vladimirovich Timofeev-Resovskii (1900–1981)* [Nikolay Vladimirovich Timofeev-Resovsky (1900–1981)]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2002. 672 pp. (In Russian)

Bazhanov, V. "Sotsial'nyi klimat i istoriya nauki. Paradoksy marksistskoi teorii i praktiki" [Social Climate and History of Science], *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2007, No. 1 (XI), pp. 146–156. (In Russian)

Bazhanov, V., Ermichev, A., Kozyrev, A., Korsakov, S., Maslin, M., Filatov, V. & Khoruzhii, S. "Diskussiya o russkoi filosofii" [Discussion on Russian Philosophy], *Voprosy filosofii*, 2015, No. 5, pp. 69–107. (In Russian)

Bloor, D. *Knowledge and Social Imagery*. London: Routledge, 1976. 211 pp.

Clark, G.N. *Science and Social Welfare in the Age of Newton*. Oxford: Clarendon Press, 1937. 159 pp.

Florenskii, P. *Mnimosti v geometrii: rasshirenie oblasti dvukhmernykh obrazov geometrii (opyt novogo istolkovaniya mnimosti)* [The Imaginaries in Geometry: Extension of the Field of Two-Dimensional Geometry (An Attempt at a New Interpretation of the Imaginaries)]. Moscow: Gromady Publ., 1922. 71 pp. (In Russian)

Florovskii, G. "Russkaya filosofiya v emigratsii" [Russian Philosophy in Exile], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [History of Philosophy Yearbook]. Moscow: IPh RAS Publ., 2013, pp. 314–337. (In Russian)

Freudenthal, G. & McLaughlin, P. (eds.) *The Social and Economic Roots of the Scientific Revolution: Texts by Boris Hessen and Henryk Grossmann*. Dordrecht: Springer, 2009. 273 pp.

Gaidenko, P. *Evolutsiya ponyatiya nauki: Stanovlenie i razvitie pervykh nauchnykh program* [Evolution of the Concept of Science (17th–18th Centuries)]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 567 pp. (In Russian)

Gaidenko, P. *Istoriya novevropeiskoi filosofii v ee svyazi s naukoi* [History of Modern European Philosophy in Its Relation to Science]. Moscow: Universitetskaya kniga Publ.; Per Se Publ., 2000. 456 pp. (In Russian)

Gessen, B. *Osnovnye idei teorii otositel'nosti* [The Basic Ideas of the Theory of Relativity]. Moscow; Leningrad: Mosk. rabochii Publ., 1928. 176 pp. (In Russian)

Gessen, B. *Sotsial'no-ekonomicheskie korni mekhaniki N'yutona* [The Social and Economic Roots of Newton's *Principia*]. Moscow; Leningrad: Gos. teoret.-tekhn. Publ., 1933. 78 pp. (In Russian)

Gessen, B. & Egorshin, V. "Ob otnoshenii tov. Timiryazeva k sovremennoi nauke" [About the Attitude of Friend Timiryazev to Contemporary Science], *Pod znamenem marksizma*, 1927, No. 2/3, pp. 188–199. (In Russian)

Graham, L. "Sotsial'no-politicheskii kontekst doklada B.M. Gessena o N'yutone" [The Socio-Political Roots of Boris Hessen: Soviet Marxism and the History of Science], trans. by A. Struchkov, *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 1993, No. 2, pp. 19–31. (In Russian)

Granin, D. *Zubr: Dokumental'no-khudozhestvennaya povest' o N.V. Timofeeve-Resovskom* [The Bison: A Novel about the Scientist Who Defied Stalin]. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 288 pp. (In Russian)

Grossmann, H. "Die gesellschaftlichen Grundlagen der mechanistischen Philosophie und die Manufaktur", *Zeitschrift für Sozialforschung*, 1935, No. 4, S. 161–231.

"Historiography of science", *WIKIPEDIA* [https://en.wikipedia.org/wiki/Historiography_of_science, accessed on 03.09.2016].

Hübner, K. *Kritika nauchnogo razuma* [Kritik der wissenschaftlichen Vernunft], trans. by I. Kasavin. Moscow: IPh RAS Publ., 1994. 326 pp.

Il'enkov, E. "Problema ideal'nogo" [The Problem of the Ideal], *Voprosy filosofii*, 1979, No. 6, pp. 128–140. (In Russian)

Il'enkov, E. *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii* [Dialectical Logic. Essays on its History and Theory]. Moscow: Politizdat Publ., 1984. 320 pp.

Kasavin, I. *Traditsii i interpretatsii. Fragmenty istoricheskoi epistemologii* [Traditions and Interpretations. Essays in the Historical Epistemology]. St. Petersburg: RKhGI Publ., 2000. 320 pp. (In Russian)

Khoruzhii, S. "Shag vpered, sdelannyi v rasseyanii" [Step Forward Made in Scattering], in: S. Khoruzhii, *Opyty iz russkoi dukhovnoi traditsii* [Essays in the Russian Spiritual Tradition]. Moscow: Parad Publ., 2005, pp. 329–446. (In Russian)

Korsakov, S., Kozenko, A. & Gracheva, G. (eds.) *Boris Mikhailovich Gessen* [Boris Mikhailovich Hessen]. Moscow: Nauka Publ., 2016. 221 pp. (In Russian)

Krasikov, V. *Russkaya filosofiya today* [Russian Philosophy Today]. Moscow: Vodolei Publishers Publ., 2008. 312 pp. (In Russian)

Kush, M. "Social Epistemology", *The Routledge Companion to Epistemology*, ed. by S. Bernecker and D. Pritchard. New York: Routledge, 2010, pp. 873–884.

Losev, A. *Istoriya antichnoi estetiki* [The History of Classical Aesthetics], Vol. I. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1963. 443 pp. (In Russian)

Losev, A. "Dialektika mifa" [The Dialectics of Myth], in: A. Losev, *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow: Politizdat Publ., 1991, pp. 21–186. (In Russian)

Losev, A. "Antichnyi kosmos i sovremennaya nauka" [The Ancient Cosmos and Modern Science], in: A. Losev, *Bytie. Imya. Kosmos* [Being. Name. Cosmos]. Moscow: Mysl' Publ., 1993, pp. 61–612. (In Russian)

Motroshilova, N. *Mysliteli Rossii i filosofiya Zapada* [Thinkers of Russia and Philosophers of the West]. Moscow: Respublika Publ.; Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2006. 477 pp. (In Russian)

Rockmore, T., Bakhurst, D., Mareev, S. & Buzgalin, A. "Diskussiya o ponyatii ideal'nogo u E.V. Il'enkova" [The Discussion about Ilyenkov's Concept of the Ideal], *Voprosy filosofii*, 2015, No. 5, pp. 108–130. (In Russian)

Shapin, S. "Discipline and Bounding: The History and Sociology of Science as Seen through Externalism-Internalism Debate", *History of Science*, 1992, No. 30, pp. 333–369.

Sonin, A. "Vospriyatie teorii otositel'nosti v sovetskoj filosofskoi literature v 20–30-e gody" [Perception of the Theory of Relativity in Soviet Philosophical Literature in the 20s–30s], *Sem' iskusstv*, 2015, No. 9 [<http://litbook.ru/article/8447/>], accessed on 10.10.2016]. (In Russian)

Timiryazev, A. "Novye opyty Deiton-Millera, oprovergayushchie teoriyu otositel'nosti Einšteina" [New Experiments of Dayton-Miller, Refuting the Theory of Relativity of Einstein], *Izvestiya*, 1926, 30 July, [<http://bourabai.ru/timiryazev/miller.htm>], accessed on 05.10.2016]. (In Russian)

Trufanova, E. "Obzor 26-i Baltiiskoi konferentsii po istorii nauki (21–22 avgusta 2014 g., Khel'sinki, Finlyandiya)" [Review of the XXVI International Baltic Conference on the History of Science (21–22 August, 2014, Helsinki, Finland)], *Filosofiya nauki*, 2015, Vol. 20, pp. 249–250. (In Russian)

Vakhitov, R. "Losev i marksizm" [Losev and Marxism], *NEVMENANDR.NET* [<http://nevmenandr.net/vaxitov/losevmarx.php>], accessed on 11.10.2016]. (In Russian)

Whitehead, A.N. *Adventures of Ideas*. New York: The Free Press, 1967. 307 pp.

Whitehead, A.N. *Process and Reality. An Essay in Cosmology*. New York: The Free Press, 1978. 413 pp.